

Шиндаулова Р. Б., кандидат педагогічних наук, доцент, Казахська національна консерваторія ім. Курмангази (Республіка Казахстан, Алматы), sharabana1@mail.ru

Історико-філософський аналіз генезису ідей нооуманізму

Здійснено авторський історико-філософський аналіз процесів становлення нооуманізму як концепції розвитку сучасного суспільства в цілому і освіти зокрема. Автором продемонстровано продуктивна зв'язок ідей нооуманізму із освітніми та соціально-філософськими концептами епохи Античності (Анаксимандр, Геракліт, Парменід, Піфагор, Фалес та ін.), розвинених представниками російського космізму (В. Соловйов, А. Чижевський, С. Франк, К. Цюлковський та ін.), теоретиків ноосфери (В. Вернадський, Е. Леруа, П. Тейяр де Шарден та ін.).

Ключові слова: нооуманізм, нооуманістичний світогляд, ноосфера, російський космізм, антропокозізм.

***

УДК 261.7

Шкиль С. А., кандидат філософських наук, доцент кафедри філософії, Національний університет біоресурсів і природопольовання України (Україна, Київ), lauby@meta.ua

ПРОЕКТИ МОДЕРНИЗАЦІЇ РОСІЙСЬКОГО ПРАВОСЛАВ'Я

Критически аналізується проект консервативної модернізації патріарха Кирила. Доказано, що цей проект являється церковної різновидністю путінізму. Исследованы магистральные позиции ведущих представителей либеральной теологии в современной РПЦ Андрея Десницкого и Ольги Седаковой. Доказано, что главными в публицистике этих российских либеральных теологов являются вопросы модернизации православной жизни в России и принятия общечеловеческого понимания прав и свобод, отвергаемые священноначалием РПЦ; восприятие русской православной традиции как части мировой христианской цивилизации, а не отдельного геополитического образования; убеждение в том, что выбранный РПЦ путь сраживания с государством и планомерная клерикализация российской общественной жизни ведет русскую церковь к изоляции и отторжению, лишая православие статуса «духовного ориентира» и превращая его в современный заместитель советской идеологии.

Ключевые слова: либеральное православие, Андрей Десницкий, Ольга Седакова, модернизация, клерикализация, идеология.

(стаття друкується мовою оригіналу)

Тенденции к модернизации и консерватизму характерны для современной религиозности как две константы, позволяющие привлекать к церкви значительное число верующих. Статическая церковь, которая не развивается в сторону модернизации или консервативной реставрации, не может быть привлекательной для обычного верующего.

Б. Лобовик, А. Колодный, В. Танчер, Н. Пителинская выделяют тенденции к модернизации и консервативной реставрации как необходимые составляющие общецерковного дискурса вообще и теологии в частности. Для одних верующих важно наличие вектора прогрессивного движения, другие, наоборот, заинтересованы в постоянном возобновлении традиции. Поскольку в целом религия и православие в частности связаны с консерватизмом, особого внимания заслуживают тенденции к модернизации, что отмечают В. Бондаренко, В. Глаголев, М. Новиков, В. Ребало, В. Танчер.

Официальное российское православие в начале нового тысячелетия векторы консервативного и либерального направления пытается парадоксальным образом слить в идеале «консервативной модернизации». Этот идеал не принимается в российском обществе, порождает волну антиклерикализма, на фоне которой возникает образ однозначно консервативного российского православия. Последнее обстоятельство заставляет исследователей

вообще сомневаться в наличии тенденций к модернизации в сегодняшнем российском православии. Между тем, такие тенденции существуют как в деятельности руководства церкви, так и в среде российских богословов, и оба направления проявлений модернизма заслуживают отдельного анализа.

Как известно, для католичества и православия характерно признание трех источников догматического и нравственного богословия: Писание, Традиция, Учительство Церкви. В последнем элементе католичество делает акцент на Учительстве Папы, православие – на Учительстве вселенских и поместных соборов. Но более важным является то, что православие главным источником догматических и нравственных истин считает Традицию (Предание). Согласно с православными богословами, Писание – это записанное Предание, а Учительство Церкви – это актуализация Предания для ответов на современные проблемы верующих и неверующих. Для католичества Писание и Традиция есть фиксация Учительства Церкви, христианской керигмы. Интересно, что в своей «Церковной догматике» выдающийся богослов современного протестантизма Карл Барт Учительство Церкви сегодняшнего дня и прошлого видит только как проявление «Слова Божия», которое полностью и адекватно присутствует во Христе и в Библии. Тенденция вводить Христа как мета-источник для Писания и Предания из бартианства проникла в документы Второго Ватиканского собора. Для православия такие тенденции чужды, и в центре православной богословской методологии по-прежнему стоит Традиция. Отдельные попытки современных православных теологов Д. Станилоае и С. Агуридиса подчеркнуть приоритет Писания над Традицией не стали общепризнанными. В этих условиях интересным является феномен роста роли Учительства церкви: такая тенденция стала явной в современном российском православии в начале XXI столетия. Это своеобразный путь «модернизации сверху», определяющий важные изменения в идентичности современных верующих и российского православия в целом.

Рост роли учительства церкви связан с деятельностью Кирилла Гундяева, который был инициатором постановлений архиерейских соборов по множеству актуальных проблем современной церковной и общественной жизни – сначала как глава Отдела внешних церковных связей, а потом (с 2009–го) как патриарх Московский.

Первым значительным шагом в активизации учительства церкви стало принятие в 2000–м году архиерейским собором РПЦ документа «Основы социальной концепции». Этот документ претендовал вместе с «Основами отношений к инославным» (принят на том же соборе) на роль конституции в отношении православной церкви ко всему множеству «внешних» проблем: отношения церкви к государству и обществу, к другим религиям и культурам, к глобализации, к этическим и социальным дискуссиям современного мира. После своего избрания патриархом Кирилл Гундяев развернул работу над множеством отдельных документов, определяющих отношение к современным «внутренним» проблемам церкви. Наиболее важными среди этих решения являются: санкция практики частого причащения, принятие сокращенного чинопоследования отдельных таинств церкви, укрепление активной

миссионерской позиции церкви, развитие учения о полноте власти епископата над православной церковью.

В целом для патриарха Кирилла характерно преувеличенное представление о роли церковной риторики. Если постмодернизм критикует риторику, особенно связанную с учительством по отношению к обществу, то патриарх Кирилл считает такую риторику оправданной и необходимой. При чем такая риторика мыслится им не только как пассивное свидетельство о позиции церкви по множеству проблем современности, а и как активная сила, способная изменять общество. Аудиториями, на которые направлено риторическое давление, являются: политическая элита России и соседних стран, российский народ как целостность, потребляющая продукцию СМИ, церковная масса верующих. Характерно, что из целевых групп для риторики патриарх исключает интеллигенцию, гражданское общество, церковных интеллектуалов. С точки зрения патриарха воздействовать необходимо только на те группы, которые представляют собой власть или важны для удержания власти. Пытаясь добиться внимания российского общества как целого, патриарх и его сотрудники часто эпатируют российское и зарубежное общественное мнение своими резкими заявлениями, в которых российское православие предстает как политический проект, схожий с иранским политическим исламом. Риторическое вмешательство во все сферы жизни общества и личности приобрело такие масштабы, что церковь подозревают в желании изменить светский характер российского государства и ввести элементы теократии. В действительности определенная прерогатива таких опасений вполне оправдана, поскольку патриарх Кирилл предлагает российскому обществу проекты модернизации, общая схема которых заимствована у исламских лидеров. Западная модель модернизации и глобализации объявляется неприемлемой из-за ценностных расхождений, из-за стремления сохранить самобытность религиозную, культурную, этническую. Как альтернатива предлагается простейшая схема: принятие технических достижений Запада при сохранении всех особенностей религиозной культуры и традиционной цивилизации. Интересно, что не раз история уже доказала несостоятельность такого рода проектов. Без свободного человека перенятые у Запада технологии – технические, экономические, социальные – имеют эффективность на несколько порядков меньшую. Кроме опыта модернизаций в исламских странах можно вспомнить о модернизации в СССР, при которой государство так и не смогло создать эффективной экономики и конкурентно привлекательной культуры. Удачными проектами модернизации были только те, где общества усваивали ценности Запада или полностью (Восточная Европа) или частично (страны конфуцианской культуры). Невозможно проводить модернизацию по западным лекалам и одновременно отрицать все западные ценности. Но патриарх Кирилл предлагает именно такие рецепты для самой православной церкви, для российских общества и государства.

Противоречивость концепции модернизации патриарха Кирилла особенно очевидна при его попытках говорить для Запада на церковных и светских площадках. Образцы наиболее значимых его выступлений за разные годы собраны в его книге «Свобода и ответственность». Риторическая стратегия этих выступлений сочетается в себе несколько логических шагов. Во-первых, Кирилл Гундяев

отрицает универсальный характер «общечеловеческих ценностей», считая их выражением локальной западной культуры, пребывающей в идейном кризисе. Во-вторых, патриарх считает, что российская православная цивилизация выработала собственную эффективную систему ценностей, более гуманистичную и открытую, чем западная. В-третьих, Кирилл Гундяев предлагает Западу начать принципиальную мировоззренческую дискуссию Запада и других локальных цивилизаций для выработки действительно общечеловеческих ценностей.

В этой риторической стратегии привлекает внимание то, что ценности могут быть объектом дискуссий и договоренностей. Как православный руководитель и богослов патриарх Кирилл должен был бы настаивать на универсальном и абсолютном характере православных ценностей. Примерами такого рода риторики полны выступления патриарха Константинопольского Варфоломея и практически всех православных богословов XX столетия. Утверждение абсолютного характера православных ценностей только для русского мира, привнесение в единство православных ценностей этнических характеристик русского народа, его культурных особенностей является фактическим отрицанием универсального характера православия. Раскол православного христианства на этнические церкви становится фактом культурной идентификации, если принять учение патриарха Кирилла.

Кроме снижения статуса православных религиозных ценностей и привнесения в ценностный перечень светских ценностей русского народа из-за его якобы особой святости и уникального исторического опыта, патриарх Кирилл допускает еще одно отступление от православной теологии. Согласно с христианской доктриной общечеловеческие, общехристианские, общеправославные ценности не могут быть предметом договоренностей в любом дискурсе. Ценности могут и должны являться, но не формироваться. Между тем, патриарх Кирилл учит именно об историческом формировании ценностей и возможности их изменения в современных дискуссиях. Такого рода релятивизм не характерен для религии вообще и для христианства в частности. Православию такой релятивизм категорически чужд на всех этапах его исторического развития. Такого рода релятивизация открывает широкие возможности для модернизации православия, для его выживания в постмодерном виде. Одновременно такая релятивизация снижает привлекательность православия в глазах верующих и неверующих, которые критически воспринимают предлагаемое понижение и политизацию православных ценностей, их релятивизацию и изменение форм легитимизации религиозных ценностей.

Альтернативным проектом модернизации в российском православии является видение либерально настроенных теологов. Наиболее авторитетными из ныне живущих являются такие теологи и религиозные мыслители как Андрей Десницкий и Ольга Седакова. Как ни парадоксально звучит, именно эти либеральные теологи напоминают об абсолютном характере православных ценностей. Для них, однако, эти абсолютные ценности тесно связаны с общехристианскими и общечеловеческими ценностями, которые также имеют объективный и универсальный характер, даны как абсолютно значимые в мировой культуре и истории. Христианство открыло

универсальную значимость свободы, рациональности, личности. Эти ценности не чужды православию и русской культуре, они являются лучшим, что в ней есть. Эти же ценности стали важнейшим основанием для европейских и общечеловеческих ценностей. Сегодня Запад и Россия утрачивают эти ценности, поскольку и западное, и российское общество под воздействием идеологических штампов оказались в состоянии застоя и кризиса, аналогичных бывшим в советском обществе. А. Десницкий и О. Седакова связывают эти процессы с утратой чувства ответственности свободной и разумной личности, с возрождением патернализма – скрытым на Западе и открытым в России. Излишняя государственная забота, даже если она проводится под лозунгом защиты прав человека, пагубно сказывается на современной цивилизации и обуславливает множество кризисных явлений. Еще более пагубные последствия имеет релятивизм и торжество новейшей софистики в ее светских и религиозных формах. Сократовский поиск истины, сомнение как методологический принцип – уже не в чести, они и вовсе оказались бы общественно порицаемыми, если бы не необходимость развития естественных и точных наук. Релятивизм российской государственной и церковной риторики критикуется А. Десницким и О. Седаковой как проявление нигилизма, как уничтожение возможности подлинного духовного и культурного развития. Истоками такого релятивизма называются не только современная борьба за влияние и власть, которую ведут церковные и светские институты. Особенный исток релятивизма – в абсолютизации «сердца» как источника религиозных и духовных истин, как критерия оценки опыта, явлений и фактов. Согласно с О. Седаковой, античная и православная культуры ценили в человеке ум, который может быть мудрым, любящим, верующим. Сердце же рассматривалось как поле борьбы страстей и переживаний, как стихийная сила, которая не может быть источником религиозных и культурных универсалий. Действительно, пиетическое любование сердцем целиком чуждо античной и патристической традициям. На большом количестве источников О. Седакова, идущая вслед за С. Аверинцевым, доказывает, что «софийная мудрость» относилась к уму как субъекту этой мудрости, но никак не к сердцу. Такого рода исследования заставляют переоценить многие штампы русской религиозной философии, деконструировать релятивизм, который проник в религиозную и светскую культуру. Различение религиозного и ментального позволяет не искать обоснования ценностей в ментальном. Наоборот, ценности должны иметь только абсолютное основание, а нормативными их проявлениями должно быть их функционирование в софийной и общей рациональности, в православной и общехристианской религиозности. Культура, в том числе и православная, требует «взрослости», и потому модернизация неразрывно связана с образованием и воспитанием, а не с политической риторикой. Преодоление антропологического кризиса современного человечества, роста нигилизма, релятивизма, безответственности и хаоса возможно только на пути проявления объективно значимых ценностей, при приоритете ценностей религиозных, чей более высокий статус, однако, может проявляться на фоне реализации общечеловеческих ценностей как общих культурных универсалий.

Анализируя ряд последних статей А. Десницкого, следует отметить, что наиболее актуальной для автора темой остаётся проблема внутрицерковной жизни. В своей статье «Бой кровавый, святой, правый» Десницкий пишет об использовании духовенством РПЦ агрессивных и восхваляющих войну нарративов [6]. Теолог отмечает, что эта агрессивная идеология, забывая о своём христианском происхождении, концентрируется преимущественно на военных и технологических достижениях СССР, разбавляя их православным наполнением, вместо марксизма–ленинизма. Такая гражданская религия, считает Десницкий, возникает в обществе, с очень низким уровнем религиозности, где основная масса населения привыкла соотносить себя с советской идеологической системой, своеобразным символом которой является «культ Победы». Агрессивная, воинственная риторика представителей РПЦ отражается общую тенденцию выбранного церковью пути – привлечения верующих засчет пропаганды в рамках государственной идеологии «традиционных ценностей». Такая политика, считает Десницкий, ведёт к власти, славе и успеху. Выбранный РПЦ путь «количества вместо качества», с точки зрения теолога, противоречит христианскому вероучению, призывающему верующих быть «малым стадом» и «солью земли» [6]. Подобную точку зрения Десницкий высказывает и в статье «Последний бастион» [7]. Однако в данной публикации теолог делает акцент на том, что уровень религиозности в России очень низок по отношению даже ко многим секуляризованным странам Европы. Десницкий утверждает, что смотреть надо не на статику, а на динамику, делая акцент на том, что РПЦ не проводит миссионерскую работу с верующими, религиозность которых в большинстве случаев представляет смесь идеологических клише и бытовой магии. Автор считает, что такой безответственный подход к динамике развития религиозности в России приведёт к тому, что со временем, религия практически исчезнет из повседневной жизни россиян [7].

Другую актуальную для внутренней церковной жизни тему Андрей Десницкий поднимает в статье «Если мы хотим увидеть молодёжь в Церкви – нам нужно подвинуться» [8]. В этой публикации автор говорит о проблеме интеграции в традиционную для современной практики РПЦ приходскую жизнь молодого поколения. Главной загвоздкой, по мнению Десницкого, остаётся советская модель приходской жизни не имеющая каких–либо современных альтернатив. Другой стороной вопроса автор называет обозначенную выше проблему ориентации приходской жизни на монастырские нормы, и нежелание как священников, таки и мирян РПЦ уступать сложившимся в советские и постсоветские времена принципами. Так же автор отмечает, что нынешняя модель приходской жизни, в которой прихожанин – пассивный потребитель, от которого ничего не зависит, не просто малопривлекательна для молодежи, она еще и не слишком благоприятна для церкви в целом. Такое отсутствие гибкости, по мнению автора, влечёт за собой неспособность молодого поколения россиян интегрироваться в условия свойственной для РПЦ приходской жизни и значительно уменьшает интерес к православию среди подрастающего поколения. Кроме того, важной с миссионерской точки зрения проблемой российской приходской жизни остаётся игнорирование национальных языков при богослужении и

альтернативных традиционным литургических форм [8]. Важно отметить, что в этих вопросах Десницкий близок к современной католической практике приходской жизни, когда богослужения совершаются удобным для прихожан обрядом и на национальных языках, а сама приходская жизнь ориентирована не на строгость соблюдения богослужебных норм, а регулируется необходимостями общины. В своей статье «Последний бастион» Десницкий утверждает, что возможность, а главное воля к реформам со стороны духовенства и мирян к проведению реформ в РПЦ существовали во время Поместного собора 1917–1918 годов, однако тогда реформации российской церкви и превращению её в передовую поместную церковь православного мира помешали большевики. Им не нужна была реформированная и прогрессивная церковь, способная стать для своих верующих достойным оппонентом «диктатуре пролетариата». Тогда для торможения реформаторских процессов в РПЦ были применены репрессии, государственное давление и создание альтернативной квазицерковной структуры «Живой церкви», дискредитирующей обновление церкви [7].

Важно отметить, что в ряде статей Десницкий говорит о христочентричности в современном православии. В своей публикации «Нам не хватает христочентричности», исследователь утверждает, что в современном православии обрядовая сторона религиозных практик, культура и политика настолько захватывают людей, что говорить о глубинных смыслах некогда, да и незачем. Христос – не в самом центре, а на заднем фоне [9]. Подобную точку зрения он повторяет в другой публикации «Экуменизм умер. Да здравствует экуменизм», утверждая, что в современном русском православии существует несколько «инициативных групп», каждая из которых преследует индивидуальные цели. Часть верующих ищет народные обряды и обычаи, другая – имперскую идеологию. «То и другое прекрасно обходится без Христа» – отмечает публицист [10]. В обеих статьях Десницкий утверждает, что современная РПЦ, в данный момент своего исторического существования, переживает очередной кризис. По его мнению, многие аспекты церковной жизни требуют серьёзного пересмотра и модернизации. Автор считает, что причиной тому является практическое прекращение полноценной церковной жизни в советские времена. Как опытный библист автор считает, что важной составляющей, которая поможет возродить современное православие в России, может стать активное изучение Священного Писания, как мирянами, так и духовенством. Автор призывает не перенимать чуждую для православия протестантскую или католическую парадигмы, а сохраняя свойственную православию святоотеческую традицию делиться с другими христианами опытом на личностном уровне.

Кроме вышеупомянутых тем, Десницкий так же обращает внимание на феномен клерикализации российского общества, отчасти выражающийся во введении в государственной школе ОПК (основ православной культуры). В своей статье «Восьмилетка духовности» теолог утверждает, что характерное для современной России добровольно–принудительное прививание «духовных ценностей» чревато реакцией отторжение, подобной тому, как советская молодёжь 80–х отвергла идеологию марксизма–ленинизма, прививаемы

таким же путём [11]. По мнению автора, такой подход только дискредитирует саму систему образования и церковь, а также вызывает отрицательную общественную реакцию на «духовные ценности». Однако, по его мнению, клерикализация не является современным феноменом путинской России. Она сопровождает российское общество на протяжении всей истории страны, меняя различные формы, выступая под видом государственной великодержавной, монархической, либо атеистической идеологии [11]. В своей статье «И не церковь, и не кабак», автор отмечает, что России необходимо пройти общечеловеческий путь исторического развития, для преодоления разного рода крайностей препятствующих её становлению [12]. Он отмечает, что если христианство, действительно выбор русского народа, сделанный некогда князем Владимиром в Корсуни, то России придется пройти и через деклерикализацию, которая выразится в исчезновении государственной идеологии. Так же он указывает, что другие православные нации идут примерно тем же путем, каждая страна в своем темпе и по собственной модели развития. «Средневековье в христианском мире закончилось, хотя иногда его и жаль» – отмечает автор [12].

Вообще, тема преодоления прошлого, препятствующего и России и русскому православию на пути его исторического развития – «красная линия» в публицистике Андрея Десницкого. В статье «Экуменизм умер. Да здравствует экуменизм», публицист отмечает, что после крушения коммунизма, среди верующих РПЦ возникла тенденция к реконструкции дореволюционного православия. Однако, по мнению Десницкого, дореволюционная церковь оказалась совершенно беспомощной перед революционным валом: не смогла повести за собой народ, предложить ему какие–то иные, лучше смыслы и цели, нежели большевистская пропаганда. Именно по этой причине, считает автор, РПЦ необходимо «пережить XX век», т.е. переосмыслить опыт всего мирового христианства и выработать современную, актуальную для сегодняшней России модель развития. В этом ключе, главным инструментом преодоления тоталитарного прошлого, ставшего причиной серьёзных проблем, Десницкий называет личное перенимание опыта западных христиан, переживших многие проблемы XX века, и выработавших определённый «иммунитет». Такой подход, по мнению библиста, непременно приведет РПЦ к необходимым для её выживания и очеловечивания реформам [10].

Основная тема в публицистике Седаковой – поиск поля взаимодействия между духовной и светской культурой России. Главным героем этого поиска для автора является русский интеллигент, осуществляющий этот поиск не смотря ни на какие преграды со стороны государственной идеологии. Делая обзор истории этого взаимодействия, Седакова отмечает, что характерной чертой русской культуры является попытка найти источник взаимного проникновения двух культур, которые, по мнению автора, впервые нашли точки соприкосновения в культуре Серебряного века. Однако Серебряный век отправили на «философском пароходе», отмечает Седакова и русская культура снова осталась отсечённой от её духовной составляющей. В своей статье «Светская культура и Церковь: поле взаимодействия» [13], теолог отмечает, что духовный поиск русской интеллигенции продолжался

на протяжении всего советского времени, проявляя себя в деятельности писателей и поэтов, публиковавшихся в Самиздате. Однако, по мнению Седаковой, своеобразной кульминацией поиска соприкосновения духовного и светского является научная деятельность её учителя Сергея Аверинцева. По мнению автора, Аверинцев первым среди всех известных русских мыслителей переступил постоянное и фундаментальное разделение на Россию – и весь остальной (особенно западный) мир, не становясь при этом «западником», но видя свою страну как участницу мировой христианской цивилизации. По словам Седаковой, именно эта позиция Аверинцева – важнейший переворот в многовековой инерции русской мысли. В целом, такая позиция является характерной чертой объединяющей современных православных либералов вроде Седаковой и Десницкого. В то же время, этих теологов нельзя назвать «западниками», т.к. кроме последовательной критики современного политизированного русского православия они остаются скорее традиционалистами по отношению к современному западному либерализму [13]. Органичное развитие идей Аверинцева Седакова видит в деятельности последователей священника Георгия Кочеткова. По её мнению, деятельность «малых братств» Кочеткова является совершенно новым явлением в русской церковной традиции, и вместе с тем в нем продолжается то, что начиналось в Серебряном веке и продолжалось в парижском Христианском студенческом движении. По мнению теолога, за таким христианским модернизмом стоит глубокое почтение к культуре, отечественной и мировой, во всей ее сложности, и большое внимание к тому, что называется вызовами современности. Для Седаковой именно в таком формате религиозно-философского сотрудничества, как предлагает «Филаретовский институт» отца Георгия Кочеткова, кроется единение светской и духовной культур России [13].

В определенной мере вызывающей стала статья Ольги Седаковой «Российское общество при свете Майдана» [14], где теолог высказывает глубоко либеральную по российским меркам позицию по отношению к украинским событиям 2013–2014 годов. Для Седаковой события украинской революции – преодоление страха и советского прошлого, которое необходимо осуществить жителям бывшего СССР на пути интеграции в мировое сообщество. Важнейшим аспектом, ставшим для исследовательницы знаковым, во всех событиях Майдана стала солидарность людей, борющихся за своё будущее [14]. Именно в этом она видит воплощение европейского вектора развития постсоветского пространства. В вопросе преодоления прошлого и общественной консолидации она достаточно близка в позициях с Десницким, для которого преодоление прошлого так же видится, чуть ли не основной задачей, стоящей перед жителями России и русской церковью.

Очевидно, что при сравнении двух проектов модернизации российского православия более перспективным является проект А. Десницкого и О. Седаковой, в то время как проект К. Гундяева имеет существенные внутренние противоречия и может иметь негативные последствия для российского православия и общества в целом.

Список использованных источников

1. Десницкий А. «Новая герменевтика» и перспективы православной библеистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bogoslov.ru/text/492188.html>

2. Кирилл (Гундяев). Выступление на торжественном открытии III асамблеи Русского мира [Электронный ресурс] / Святейший патриарх Кирилл // Патриархия-ру. <http://www.patriarchia.ru/db/text/928446.html>

3. Кирилл (Гундяев). Свобода и ответственность: в поисках гармонии. Права человека и достоинство личности / Кирилл (Гундяев), митр. – М.: Отдел внешних церковных связей Московского Патриархата, 2008. – 240 с.

4. Кирилл (Гундяев). Слово пастыря / Кирилл (Гундяев), митр. – М.: Издательство Московской Патриархии, 2004. – 304 с.

5. Седакова О. Moralia / Ольга Седакова. – М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2010. – 864 с.

6. Десницкий А. Бой кровавый, святой, правый [Электронный ресурс] // Андрей Десницкий. – 2015. – Режим доступа: <http://www.gazeta.ru/comments/column/desnitsky/6859469.shtml>

7. Десницкий А. Последний бастион [Электронный ресурс] / Андрей Десницкий. – 2015. – Режим доступа: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=114212>

8. Десницкий А. Если мы хотим увидеть молодёжь в Церкви – нам нужно подвинуться [Электронный ресурс] / Андрей Десницкий. – 2015. – Режим доступа: <http://www.pravmir.ru/esli-mi-hotim-uvidet-molodej-v-tserkvi/>

9. Десницкий А. Нам не хватает христосентричности [Электронный ресурс] / Андрей Десницкий. – 2015. – Режим доступа: <http://www.pravmir.ru/nam-ne-hvataet-hristotsentrichnosti/>

10. Десницкий А. Экуменизм умер. Да здравствует экуменизм [Электронный ресурс] / Андрей Десницкий. – 2015. – Режим доступа: http://www.kiev-orthodox.org/site/churchlife/5724/#5_3

11. Десницкий А. Восьмилетка духовности [Электронный ресурс] / Андрей Десницкий. – 2015. – Режим доступа: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=111828>

12. Десницкий А. И не церковь, и не кабак [Электронный ресурс] / Андрей Десницкий. – 2015. – Режим доступа: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=111665>

13. Седакова О. Светская культура и Церковь: поле взаимодействия [Электронный ресурс] / Ольга Седакова. – 2012. – Режим доступа: <http://www.bogoslov.ru/text/2452194.html>

14. Седакова О. Российское общество при свете Майдана [Электронный ресурс] / Ольга Седакова // Дух і Літера. – 2014. – Режим доступа: <http://ru.duh-i-litera.com/rossijskoe-obshhestvo-prisvete-maydana/>

References

1. Desnitskiy A. «Novaya germenevika» i perspektivy pravoslavnoy bibleistiki [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupu: <http://www.bogoslov.ru/text/492188.html>

2. Kirill (Gundyaev). Vyistuplenie na torzhestvennom otkrytii III asamblii Russkogo mira [Elektronnyy resurs] / Svyateyshiyy patriarh Kiril // Patriarhiya-ru. <http://www.patriarchia.ru/db/text/928446.html>

3. Kirill (Gundyaev). Svoboda i otvetstvennost: v poiskah harmonii. Prava cheloveka i dostoinstvo lichnosti / Kirill (Gundyaev), mitr. – M.: Otdel vneshnih tserkovnykh svyazey Moskovskogo Patriarhata, 2008. – 240 s.

4. Kirill (Gundyaev). Slovo pastyrya / Kirill (Gundyaev), mitr. – M.: Izdatelstvo Moskovskoy Patriarhii, 2004. – 304 s.

5. Sedakova O. Moralia / Olga Sedakova. – M.: Un-t Dmitriya Pozharskogo, 2010. – 864 s.

6. Desnitskiy A. Boy krovavyy, svyatyiy, pravyyiy [Elektronnyy resurs] // Andrey Desnitskiy. – 2015. – Rezhim dostupu: <http://www.gazeta.ru/comments/column/desnitsky/6859469.shtml>

7. Desnitskiy A. Posledniy bastion [Elektronnyy resurs] / Andrey Desnitskiy. – 2015. – Rezhim dostupu: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=114212>

8. Desnitskiy A. Esli myi hotim uvidet molodyozh v Tserkvi – nam nuzhno podvinutsya [Elektronnyy resurs] / Andrey Desnitskiy. – 2015. – Rezhim dostupu: <http://www.pravmir.ru/esli-mi-hotim-uvidet-molodej-v-tserkvi/>

9. Desnitskiy A. Nam ne hvataet hristotsentrichnosti [Elektronnyy resurs] / Andrey Desnitskiy. – 2015. – Rezhim dostupu: <http://www.pravmir.ru/nam-ne-hvataet-hristotsentrichnosti/>

10. Desnitskiy A. Ekumenizm umer. Da zdravstvuet ekumenizm [Elektronnyy resurs] / Andrey Desnitskiy. – 2015. – Rezhim dostupu: http://www.kiev-orthodox.org/site/churchlife/5724/#5_3

11. Desnitskiy A. Vosmiletka duhovnosti [Elektronnyy resurs] / Andrey Desnitskiy. – 2015. – Rezhim dostupu: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=111828>

12. Desnitskiy A. I ne tserkov, i ne kabak. [Elektronniy resurs] / Andrey Desnitskiy. – 2015. – Rezhim dostupu: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=111665>.

13. Sedakova O. Svetskaya kultura i Tserkov: pole vzaimodeystviya [Elektronniy resurs] / Olga Sedakova. – 2012. – Rezhim dostupu: <http://www.bogoslov.ru/text/2452194.html>.

14. Sedakova O. Rossiyskoe obschestvo pri svete Maydana [Elektronniy resurs] / Olga Sedakova // Duh i Litera. – 2014. – Rezhim dostupu: <http://ru.duh-i-litera.com/rossiyskoe-obshchestvo-pri-svete-maydana/>.

Shkil S. O., Ph. D. in Philosophy, Assistant Professor of the Philosophical Department of the National Bioresources and Nature Management University of Ukraine (Ukraine, Kyiv), lauby@meta.ua

Projects of modernization of Russian Orthodoxy

This article critically examines the modernization project of the conservative patriarch Cyril. It is proved that this kind of project is the church of Putinism. The main positions of leading representatives of liberal theology in the modern ROC Andrey Desnitskiy and Olga Sedakova is investigated. Proved that the main opinions in journalism of this Russian liberal theologians is the modernization of Orthodox life in Russia and the adoption of universal understanding of rights and freedoms rejected hierarchs of the ROC; perception of the Russian Orthodox tradition as part of Christian civilization, not a single geopolitical reality; the conviction that the chosen path merging of the ROC and government and systematic clericalization of Russian public life of the Russian Church leads to isolation and rejection, denying the status of orthodoxy «spiritual guide» and turning it into a modern substitute for Soviet ideology.

Keywords: liberal Orthodoxy, Andrey Desnitskiy, Olga Sedakova, modernization, clericalization, ideology.

Шкіль С. О., кандидат філософських наук, доцент кафедри філософії, Національний університет біоресурсів і природокористування України (Україна, Київ), lauby@meta.ua

Проекты модернизации российского православья

Критично аналізується проект консервативної модернізації патріарха Кирила. Доведено, що цей проект є церковною різновидом путінізму. Досліджено магістральні позиції провідних представників ліберальної теології в сучасній РПЦ Андрія Десницького та Ольги Сєдакової. Доведено, що основними в публіцистиці цих російських ліберальних теологів є питання модернізації православного життя в Росії та прийняття загальнолюдського розуміння прав та свобод, що відкидається священноначаллям РПЦ; сприйняття руської православної традиції як частини християнської цивілізації, а не окремого геополітичного утворення; переконання в тому, що обраний РПЦ шлях зрощування з державою та планомірна клерикалізація російського суспільного життя веде руську церкву до ізоляції та відторгнення, позбавляючи православ'я статусу «духовного орієнтира» та перетворюючи його в сучасний замінник радянської ідеології.

Ключові слова: ліберальне православ'я, Андрій Десницький, Ольга Сєдакова, модернізація, клерикалізація, ідеологія.

* * *

УДК 11:159.955.4

Якуша П. О.,
аспірант кафедри теоретичної і практичної
філософії філософського факультету,
Київський національний університет
ім. Тараса Шевченка (Україна, Київ),
vikra2110@gmail.com

ФЕНОМЕНОЛОГІЯ ЯК ЗУСТРІЧНИЙ ПОГЛЯД НА ОНТОЛОГІЮ

Запропонована для прочитання стаття – спроба окреслити межі трансцендентальної феноменології онтологічним питанням. Цей методологічний підступ зумовлений виявом певних суперечностей у філософській системі Едмунда Гусерля, які тісно пов'язані поміж собою. Віднайдені суперечності розглянуті з огляду на тлумачення засадничих концептів феноменологічної теорії. Серед них: інтенційність, свідомість, інтерсуб'єктивність, життєсвіт, феноменологічний досвід. Указується, що Гусерлева феноменологія – завершальна ланка становлення трансцендентальної філософії як її замислював Кант. Як для Канта, так і для Гусерля тема несуперечливих умов науковості філософського знання – головна. Саме тому все зазначене коло проблем схилив до думки, що онтологія імпліцитно присутня у феноменологічному вченні, яке зорієнтоване на пошук достовірних і очевидних істин.

Ключові слова: трансцендентальна феноменологія, онтологія, свідомість, життєсвіт, феноменологічний досвід.

У запропонованій статті провадиться спроба розглянути феноменологічне вчення Едмунда Гусерля (1859–1938) як специфічний різновид філософської рефлексії щодо буття. Феноменологічний проект Гусерля тому проаналізовано нами як своєрідну онтологічну концепцію. Традиційна тема Гусерлевої трансцендентальної філософії – свідомість – постає у світлі тлумачення іншого концепту – життєсвіту. З огляду на це стверджується, що онтологічна проблематика, хоч і не була поставлена Гусерлем як першочергова, імпліцитно наявна у феноменологічній філософії. Така думка дає підстави долучити питання про буття в сучасні дискусії навколо феноменологічної традиції філософування, зокрема і в українській її контекст.

Загальноживаною є теза німецького філософа, засновника потужного і розповсюдженого феноменологічного методу, Едмунда Гусерля про те, що науковий спосіб існування думки вкорінений у до-науковий світ. Цей світ – життєсвіт. І тому суб'єктивний стан людини – самосвідомість – постає похідним від сенсу, а не від феноменів, позаяк світ як ціле не може не мати сенсу. Світ життя є життєвим світом; універсальне й індивідуальне збігаються. – Гадаємо, головне питання трансценденталізму такого штибу – в проясненні онтологічних засад, у віднаходженні надійного фундаменту. Трансцендентальна феноменологія, отже, поволі починає опікуватись проблемами метафізичного зразка, тобто задаватись питаннями про телеологію¹. Ми схильні дошукуватись у феноменології Гусерля онтологічних передумов гносеологічної проблематики. Власне всі згадані в рамках даного дослідження філософи та їхні філософії цікавлять нас найперше своїми підступами до онтології, а подеколи й власними онтологіями (чи це доцільно й можливо!), як, наприклад, Мартин Гайдегер або менше відомий Ніколай Гартман.

Так, сам засновник трансцендентально-феноменологічного методу вбачав основу і ґрунт автентичного буття в реальному (трансцендентно-іманентному²) існуванні Стародавньої Греції. – Тут міркування Гусерля збігаються зі світоглядною позицією багатьох класиків європейської філософської думки, з думкою Гегеля зокрема. На нашу думку, пізньофеноменологічний проект життєсвіту – чергова спроба філософської науки «схопити» світ як світ; пам'ятаємо: основною інтенцією давньогрецької філософії було вбачання суцього як суцього. Таким чином, для духовної історії Європи позбавитись метафізики рівносильно відмові від минулого. Зрештою, філософія – це не лише палка критика давніх устоїв та повсякчасний сумнів щодо них, а й інколи остання можливість убереження класичної спадщини.

¹ Доповідь Гусерля «Криза європейського людства і філософія» побудована на зятому пошуку цієї телеології та спробі філософського її осмислення.

² Достеменно відаємо: містично-практичний світ еллінських народів – давня мрія і сподівання багатьох філософів, серед яких Шлегель, Ніцше, Гегель, Гайдегер, Гадамер та інші. Слідом за величним Сократом укорінилась ідея, що знання – це горизонт, а горизонт – можливість. «Я знаю, що я нічого не знаю» – сенс пізнання, бо знання нам відкрите в горизонті світу. Тому європейська філософія – це інтелектуальні змагання за автентичність – і самобутність – філософського знання з, назвімо їх, ворогами відкритого горизонту [курсив наш. – П. Я.]. Годі вкотре повторювати, що ці – подеколи уявні вороги – зчаста є адептами іншого, нерационалістичного підходу до знання тієї ж західноєвропейської філософії та культури.